

Опыт использования искусственного интеллекта в мировой политике

Experience of using artificial intelligence in global politics

DOI: 10.12737/2587-6295-2026-10-1-185-198

УДК 327

Получено: 19.01.2026

Одобрено: 23.02.2026

Опубликовано: 25.03.2026

Горячева А.И.

Аспирантка кафедры мировой экономики, международных отношений и права, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления», г. Новосибирск
e-mail: a.i.goryacheva@nsuem.ru

Goryacheva A.I.

Postgraduate student at the Department of World Economy, International Relations and Law, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk
e-mail: a.i.goryacheva@nsuem.ru

Полухина В.Д.

Аспирантка кафедры мировой экономики, международных отношений и права, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления», г. Новосибирск
e-mail: viktoriapoluhina72588@gmail.com

Polukhina V.D.

Postgraduate student at the Department of World Economy, International Relations and Law, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk
e-mail: viktoriapoluhina72588@gmail.com

Аннотация

Современное общество невозможно представить без использования новых технологий. Особую популярность в настоящее время приобретает использование искусственного интеллекта (ИИ). Технологии ИИ активно внедряются во все сферы жизни общества, не оставив без внимания и политическую жизнь. *Целью* исследования выступает сравнение направлений использования ИИ в международной политике, выявление различий в национальных стратегиях государств, оценка рисков, вызовов и перспектив, связанных с технологической автономией, цифровой дипломатией и алгоритмическим управлением. В статье сравниваются подходы США, России, Китая и ЕС к интеграции искусственного интеллекта (ИИ) в механизмы внешнеполитического обеспечения кибербезопасности и цифровой дипломатии. При написании статьи применялся междисциплинарный подход к изучению ИИ как политического инструмента, способного влиять на конфигурацию внешнеполитического взаимодействия государств. В ходе проведения исследования применялся широкий спектр *методов*, таких как метод компаративистики (использовался для сопоставления и анализа стратегий государств), системный подход (для оценки ИИ как элемента глобальной инфраструктуры управления), метод формализации (для выявления пробелов в международной нормативной базе). Особое внимание уделено этическим и правовым аспектам использования ИИ, а также рискам и возможностям, связанным с его

применением в принятии политических решений. Рассматриваются конкретные кейсы и институциональные инициативы, направленные на использование ИИ в глобальной политике. *Практическая значимость* исследования состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы при разработке национальных стратегий в сфере ИИ, а также при формировании международных механизмов его регулирования. Исследование указывает на существование двух различных подходов к использованию ИИ в мире: американский, нацеленный на технологическое доминирование и китайский, рассматривающий искусственный интеллект как средство для управления государством и расширения геополитического влияния. Это создает значительные угрозы, такие как возникновение гонки вооружений или фрагментации интернета.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровизация, кибердипломатия, национальная стратегия, международная безопасность, глобальное управление, цифровые технологии.

Abstract

Modern society cannot be imagined without the use of new technologies. The use of artificial intelligence (AI) is currently gaining particular popularity. AI technologies are being actively introduced into all spheres of society, not ignoring political life. The purpose of the study is to compare the directions of using AI in international politics, identify differences in national strategies of states, assess risks, challenges and prospects related to technological autonomy, digital diplomacy and algorithmic management. The article compares the approaches of the United States, Russia, China and the EU to the integration of artificial intelligence (AI) into the mechanisms of foreign policy provision of cybersecurity and digital diplomacy. When writing the article, an interdisciplinary approach was applied to the study of AI as a political tool capable of influencing the configuration of foreign policy interaction between states. During the research, a wide range of methods were used, such as the comparative analysis method (used to compare and analyze state strategies), a systematic approach (to assess AI as an element of the global governance infrastructure), and the formalization method (to identify gaps in the international regulatory framework). Special attention is paid to the ethical and legal aspects of using AI, as well as the risks and opportunities associated with its use in political decision-making. Specific cases and institutional initiatives aimed at using AI in global politics are considered. The practical significance of the study lies in the fact that the results of the study can be used in the development of national strategies in the field of AI, as well as in the formation of international mechanisms for its regulation. The study points to the existence of two different approaches to the use of AI in the world: the American one, aimed at technological dominance, and the Chinese one, which considers artificial intelligence as a means to manage the state and expand geopolitical influence. This creates significant threats, such as the emergence of an arms race or fragmentation of the Internet.

Keywords: artificial intelligence, digitalization, cyber diplomacy, national strategy, international security, global governance, digital technologies.

Введение

Современный мир невозможно представить без новых технологий. Цифровая революция, начавшаяся в середине XX в., активно продолжается и в XXI в., затрагивая все сферы жизни общества. Роль новых технологий возрастает. В настоящее время цифровые технологии являются не только ресурсами, создающими новые возможности и повышающие эффективность, но и становятся полем битвы ведущих политических акторов. В условиях активной цифровизации конкуренция государств в сфере технологий продолжает набирать обороты. Все больше исследователей говорят о борьбе стран за цифровое лидерство [16, с. 48]. Конкуренция стран в области информационных технологий способствует быстрому технологическому прогрессу. Главным трендом в сфере ИТ-технологий уже несколько лет остается искусственный интеллект.

Актуальность темы обусловлена стремительным расширением сферы применения искусственного интеллекта (ИИ) в международной политике, где он выступает не только

в роли инструмента технической автоматизации, но и в качестве агента влияния на процессы принятия решений, стратегического прогнозирования и управления конфликтами. Уже в первой четверти XXI в. ИИ стал частью национальных стратегий безопасности, дипломатии и внешнеполитического планирования ведущих держав, включая США, Россию, Китай, страны Европейского союза.

Целью настоящей статьи является изучение опыта ведущих государств в сфере использования искусственного интеллекта в международной политике, а также выявлении общих черт и отличительных особенностей в национальных подходах, в оценке возникающих рисков и возможностей.

Научная новизна статьи заключается в междисциплинарном подходе к исследованию ИИ как политического инструмента, способного влиять на конфигурацию внешнеполитического взаимодействия государств. Впервые предпринята попытка сопоставить прикладные и политико-правовые аспекты внедрения ИИ в международные механизмы принятия решений, рассмотрены не только технократические, но и институциональные, нормативные и этические последствия алгоритмизации политических процессов.

В условиях стремительной цифровой трансформации международных процессов искусственный интеллект (ИИ) приобретает всё более значимую роль как фактор, формирующий новую конфигурацию мировой политики. Переход от аналоговых моделей принятия решений к алгоритмически управляемым системам затрагивает не только внутригосударственные управленческие механизмы, но и трансграничные формы взаимодействия, затмевая традиционные подходы к анализу внешнеполитической стратегии. Рост технологической конкуренции между ключевыми мировыми державами — Соединёнными Штатами Америки, Китаем и Россией — обусловил необходимость переосмысления самого понятия политической мощи. ИИ рассматривается не только как инструмент обеспечения информационного превосходства, но и как фактор стратегической автономии, способный оказывать влияние на дипломатические форматы, механизмы кибербезопасности и международные стандарты и нормы.

Современное состояние научного дискурса по данной проблематике характеризуется междисциплинарностью исследования искусственного интеллекта и требует не только технического, но и политико-правового анализа. Тем не менее в ряде случаев отсутствует систематизированное рассмотрение ИИ в контексте внешнеполитической практики государств. Это определяет актуальность настоящего исследования, направленного на выявление институциональных, нормативных и стратегических аспектов интеграции ИИ в систему мировой политики.

В работе рассматриваются как прикладные направления — кибердипломатия, прогнозирование, управление конфликтами, так и этико-правовые вызовы, сопряжённые с алгоритмическим принятием решений на глобальном уровне. В XXI в. искусственный интеллект стал неотъемлемой частью внешнеполитических и оборонных стратегий ведущих держав, формируя уникальные инструменты давления, влияния и прогнозирования. ИИ постепенно трансформируется из нейтрального технологического продукта в политически значимый актив, обладающий потенциалом воздействия на глобальное распределение сил. Его внедрение оказывает влияние не только на практики стратегического планирования, но и на институциональную структуру международных отношений.

Развитие ИИ позволяет государствам не только ускорить обработку разведывательных данных, но и повысить точность предиктивной аналитики. Так, в США ИИ-технологии активно внедряются в деятельность Агентства перспективных исследовательских проектов в области обороны (DARPA), ЦРУ и Совета национальной разведки. ИИ применяется для анализа спутниковых снимков, выявления угроз и прогнозирования возможных дестабилизирующих сценариев в различных регионах мира. Аналогичным образом, в Китае ИИ встроен в инфраструктуру стратегического планирования в рамках инициативы «Умное управление» (Smart Governance), охватывающей как внутреннюю безопасность, так и

элементы внешнеполитической координации. На политико-дипломатическом уровне искусственный интеллект укрепляет возможности цифровой дипломатии. Государства разрабатывают платформы автоматизированного взаимодействия, способные реагировать на информационные инциденты в реальном времени. Примером может служить платформа China International Development Cooperation Agency, где используются ИИ-инструменты для оценки международных рисков и адаптации внешней помощи. В США ИИ-инструменты интегрируются в формат «предиктивной дипломатии», предполагающей использование больших данных и когнитивных моделей для оценки поведения союзников и оппонентов [30].

Таким образом, ИИ не только усиливает классические инструменты внешней политики, но и создаёт новые форматы политического присутствия: от алгоритмического вмешательства в информационную среду до автономного участия в принятии решений по вопросам безопасности. Эти процессы подталкивают международное сообщество к переосмыслению роли ИИ как одного из факторов формирования новой архитектуры глобального управления. Следующим логическим шагом исследования становится рассмотрение национальных стратегий развития ИИ и их прямого влияния на международные отношения в контексте соперничества держав. Несмотря на очевидное влияние ИИ на международные процессы, сфера его правового регулирования остаётся на этапе начальной институционализации. В отличие от традиционного вооружения или кибероружия, технологии искусственного интеллекта часто оказываются за пределами действующих договорных механизмов, что порождает так называемый нормативный вакуум. Его существование препятствует установлению единых стандартов поведения государств и негосударственных акторов при использовании ИИ в международной политике.

Одним из ключевых вызовов становится отсутствие универсального определения ИИ на уровне международных организаций. Так, в документах ООН и ЮНЕСКО термины «автономные системы» и «искусственный интеллект» трактуются по-разному, что затрудняет гармонизацию правовых рамок. Европейский союз пошёл по пути формализации — в 2021 г. был представлен проект «Регламента об искусственном интеллекте» (AI Act), направленный на создание нормативной базы для высокорисковых ИИ-продуктов. Однако этот подход сохраняет региональный характер и не охватывает трансграничные риски, связанные с ИИ в политике и безопасности. Также остаётся нерешённой проблема подотчётности и прозрачности алгоритмических решений. Возникает вопрос: кто несёт ответственность за последствия политических решений, принятых с участием ИИ? Как фиксировать алгоритмические ошибки в условиях автономного функционирования систем предиктивной дипломатии, обороны или управления конфликтами?

Разрозненные инициативы, например Парижский саммит по этике ИИ (2023 г.) или рекомендации Группы семи (G7) по ответственному использованию ИИ, отражают наличие консенсуса по ключевым рискам, но не формируют механизмов их предотвращения. На фоне стратегической конкуренции между державами такие попытки носят скорее декларативный, чем обязывающий характер. В перспективе, создание всеобъемлющей конвенции по ИИ в рамках ООН или разработка специализированного протокола к существующим договорам в сфере безопасности (например, к Конвенции о киберпреступности) может стать шагом к формированию международного правопорядка в сфере искусственного интеллекта.

Обзор научной литературы

Современный научный дискурс по проблеме искусственного интеллекта (ИИ) в международных отношениях характеризуется глубокой поляризацией, отражающей фундаментальные различия в политических системах, ценностях и стратегических интересах ключевых мировых акторов. Анализ существующих исследований позволяет выделить три доминирующие школы научной мысли, которые формируют основу для понимания трансформации мирового порядка под влиянием ИИ.

Первая научная школа, представленная работами Пашенцева Е.Н. и Козюлина В.Б., Победина П.К. и Ямановой Г.А. рассматривает ИИ исключительно как инструмент

геополитического соперничества и борьбы за технологическое превосходство. Эта парадигма утверждает, что ИИ перестал быть нейтральной технологией и стал новым измерением национальной мощи. Пашенцев Е.Н и Козюлин В.Б. проводят прямую параллель между современной «гонкой ИИ» и историческими моделями конкуренции за господство, подчеркивая, что контроль над данными и алгоритмами определяет будущий расклад сил. Они анализируют модель США, основанную на либеральном рыночном подходе и экспортном контроле, и контрастируют ее с китайской моделью, где ИИ является инструментом реализации партийной идеологии и обеспечения государственного суверенитета [15; 28]. Победин П.К. систематизирует этот подход, выделяя три модели: технологический либерализм США, государственно-ориентированное развитие Китая и импортозамещение России, что подтверждается и анализом Указа Президента РФ №490, и Национальной стратегией развития ИИ до 2030 г. [18; 19].

Вторая школа, которую представляют Волков А.В., Гришанина Т.А. и авторы доклада ООН «Глобальные повестки дня, искусственный интеллект», фокусируется на экзистенциальных рисках и этических дилеммах. Эти исследователи предупреждают о потенциальной «технологической катастрофе», сравнивая текущую гонку ИИ с ядерной гонкой вооружений. Волков А.В. указывает, что погоня за лидерством может опередить разработку механизмов безопасности, особенно в контексте милитаризации ИИ и применения автономного оружия в реальных конфликтах [24]. Гришанина Т.А. добавляет, что ИИ способен не только прогнозировать, но и активно направлять политические процессы, что ставит под вопрос легитимность принятия решений и создает риск «цифрового авторитаризма» [4]. Доклад ООН подчеркивает, что без надлежащего регулирования ИИ может усугубиться существующее неравенство и цифровой разрыв, превратившись из силы добра в источник серьезных угроз для демократии и прав человека [3].

Третья школа, представленная исследованиями ООН и европейскими экспертами (Литвак Н.В., Помозова Н.Б.), предлагает альтернативную, институциональную парадигму. Она видит в ИИ не только вызов, но и уникальную возможность для создания новой архитектуры глобального управления. Этот подход базируется на концепции «глобального цифрового договора» и призывает к формированию многосторонних, инклюзивных механизмов регулирования. Принятие резолюции A/RES/79/325 (2024) и учреждение Независимой Международной Научной Панели по ИИ рассматриваются как первый шаг на этом пути [22; 23]. Литвак Н.В. и Помозова Н.Б. детально анализируют противопоставление жесткого нормативного подхода ЕС (AI Act) и свободного рынка США, показывая, что ни одна из этих моделей не является универсальным решением для всего мира [7]. Они указывают, что успех будет зависеть от способности преодолеть «нормативный вакуум» и создать общие стандарты, учитывающие интересы как развитых, так и развивающихся стран.

В ходе исследования разделили дискурс о роли ИИ в международных отношениях на три категории: реалисты, которые видят в ИИ новый фронт геополитической борьбы; пессимисты, предупреждающие об экзистенциальных рисках и необходимости сохранения человеческого контроля; и институционалисты, верящие в силу международного сотрудничества и многостороннего регулирования. Настоящее исследование синтезирует эти подходы, утверждая, что будущее мировой политики будет определяться не технологическим превосходством одной державы, а способностью глобального сообщества объединить усилия для создания безопасной, этичной и справедливой системы управления искусственным интеллектом.

Методы

В рамках исследования используется метод компаративистики (для сравнения стратегий государств в области ИИ), системный подход (для оценки ИИ как элемента глобальной инфраструктуры управления), формализация (для выявления пробелов в международной нормативной базе). На основе анализа статистических данных рассмотрена популярность искусственного интеллекта в настоящее время. В работе также применяется метод кейс-стади,

позволивший рассмотреть использование инструментов искусственного интеллекта в политической коммуникации на примере материалов СМИ. Основу эмпирического материала составляют национальные стратегии ИИ (США, ЕС, России, КНР), документы G7, данные Всемирного банка и специализированные публикации, посвящённые кибердипломатии и международной безопасности.

Результаты анализа

Искусственный интеллект: теоретический аспект

Как было упомянуто ранее, главным трендом в сфере ИТ-технологий уже несколько лет остается искусственный интеллект. Хотя активное развитие технологий ИИ пришлось на последние несколько лет, сам термин появился еще в XX в. Впервые термин «искусственный интеллект» («artificial intelligence») был озвучен в 1956 г. Джоном Маккарти на Дартмурском семинаре [29, с. 4]. Основоположник функционального программирования и изобретатель языка Lisp Д. Маккарти предложил использовать данное понятие для обозначения области исследований, посвященной созданию машин, способных выполнять задачи, требующие человеческого интеллекта.

Рассмотрим определение данного термина в работах современных исследователей. Доктора технических наук А.И. Буравлев и В.М. Ветошкин характеризуют данное явление следующим образом: «искусственный интеллект – это объединение (симбиоз) технических и программных средств, способное выполнять некоторые творческие функции в определенной предметной области, которые традиционно считаются прерогативой человека» [2, с. 36].

В Российской Федерации уделяется много внимания развитию и внедрению на практике технологий искусственного интеллекта, государство осознает важность разработки новых технологий и их влияния на статус страны на политической арене [2, с. 66]. Термин «искусственный интеллект» закреплен в отечественных нормативно-правовых актах. Так, например, в пятом пункте Национальной стратегии развития искусственного интеллекта РФ на период до 2030 г. (с изменениями 2024 г.) дано следующее определение: «Искусственный интеллект - комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» [19].

Популярность искусственного интеллекта ежедневно возрастает. Так, например, сегодня 78% компаний по всему миру используют ИИ в своей повседневной деятельности¹. В 2017 г. этот показатель составлял лишь 20%, однако, за 8 лет он вырос на 58% и продолжает увеличиваться. В настоящее время технологии искусственного интеллекта используются не только для решения каких-либо бизнес-задач, но и для решения задач иного характера. Особую актуальность и важность новые технологии приобретают в политической сфере.

ИИ как инструмент перераспределения власти: от анализа данных к управлению восприятием

Современные политические практики всё активнее опираются на инструменты искусственного интеллекта, не только в сфере обработки разведывательной информации и предиктивной аналитики, но и в управлении восприятием, выстраивании цифровых нарративов и трансляции ценностей. Особенно активно такие подходы применяются в государствах с развитой цифровой инфраструктурой и высоким уровнем политической конкуренции, где точное таргетирование, управление общественным мнением и мгновенная реакция на кризисы становятся неотъемлемыми элементами внешнеполитического и

¹ AI Index Report 2025 // ICT. Moscow.

внутреннего позиционирования. Так, ИИ всё чаще используется для анализа социальных медиа и оценки изменения общественных настроений. В отчётах исследовательских центров подчёркивается, что алгоритмы способны выявлять не только ключевые темы и тренды, но и эмоциональную окраску дискурса, степень вовлечённости различных слоёв населения, выявлять скрытые центры влияния и протестную активность. Это позволяет политическим субъектам не только адаптировать стратегию, но и упреждать развитие кризисов в зародыше. Одним из примеров является использование ИИ в структурах Европейского союза для мониторинга настроений в приграничных регионах в рамках системы превентивной дипломатии.

Согласно исследованию Изильевой Л.О. и соавторов, подобные технологии уже активно применяются в России: от автоматической проверки подлинности подписных листов на выборах до анализа поведения чиновников с целью оценки риска коррупции.

Одним из ключевых направлений является использование технологий ИИ для управления национальными проектами и государственными программами. Как отметил вице-премьер Д. Григоренко, внедренная модель, анализирующая взаимосвязи между показателями и мероприятиями национальных проектов, способна обрабатывать более 1000 вариантов в минуту, выполняя за сутки работу, которая до этого требовала участия 76 экспертов в течение четырех лет [15]. Также, как было сказано ранее, ИИ применяется для автоматической проверки подлинности подписных листов на выборах и анализа поведения чиновников с целью оценки коррупционных рисков [7]. Эти меры направлены на повышение эффективности государственного управления и обеспечение технологического суверенитета в условиях санкционных ограничений. Интеграция ИИ в государственные процессы открывает новые горизонты для повышения качества жизни граждан и формирования более эффективной и ответственной государственной власти.

Однако эти возможности сопряжены с ростом опасений относительно непрозрачности механизмов принятия решений, нарушения приватности и возможности целенаправленной манипуляции электоральным поведением. Как указывают авторы, «нейросетевые технологии способны не только прогнозировать, но и направлять политические процессы», что превращает ИИ в самостоятельный актор политической власти [4, с. 137]. На этом фоне особую актуальность приобретает вопрос нормативного контроля. В международной практике прослеживается расхождение стратегий. ЕС, например, пошёл по пути жёсткого нормативного регулирования, введя проект AI Act, предполагающий классификацию ИИ-продуктов по уровню риска. С другой стороны, Китай применяет стратегию идеологического контроля, требуя, чтобы алгоритмы «отражали ценности социализма» и не подрывали партийный суверенитет. Таким образом, технологии ИИ перестают быть лишь инструментом анализа и становятся платформами влияния и трансформации политической реальности. Их роль в глобальной политике требует постоянной оценки и межгосударственного согласования, поскольку неурегулированное использование алгоритмического управления может подорвать существующие балансы сил.

Прикладные области использования ИИ в международной политике

Современные технологии искусственного интеллекта (ИИ) активно проникают в ключевые сферы международных отношений, трансформируя традиционные механизмы внешнеполитического анализа, разведывательной деятельности и дипломатической коммуникации. Их прикладной потенциал в значительной мере определяет стратегическую устойчивость государств и характер глобального политического взаимодействия.

Во-первых, ИИ всё шире используется в задачах внешнеполитического прогнозирования и оценки сценариев развития международной обстановки. Интеллектуальные алгоритмы, обученные на больших массивах открытых и закрытых данных, позволяют не только интерпретировать текущие процессы, но и строить вероятностные модели поведения акторов. Так, в 2023 г. в США была внедрена система OSIRIS, разработанная при участии Совета национальной разведки, предназначенная для анализа потенциальных дестабилизационных

процессов в странах Ближнего Востока и Центральной Азии. Она использует мультифакторный анализ спутниковых изображений, медийных потоков и экономических индикаторов для построения политических сценариев. Похожие технологии предиктивного анализа внедряются во внешнеполитические аналитические структуры Франции, Великобритании, Израиля. В этих странах ИИ интегрируется в структуры кризисного реагирования, помогая моделировать последствия санкционных решений, политических кампаний и перемещений беженцев. Прогностические платформы формируют новое измерение стратегического планирования, ранее невозможное в силу ограниченности человеческих ресурсов и временных затрат.

Во-вторых, особое значение приобретает использование ИИ в обеспечении кибербезопасности и в сфере разведки. Алгоритмы глубинного обучения активно применяются для раннего обнаружения угроз, включая атаки на критическую цифровую инфраструктуру и вмешательство в информационную среду. НАТО в рамках инициативы Cyber Defence Pledge внедряет нейросетевые решения для мониторинга цифрового пространства союзников. В США с этой задачей работает Joint Artificial Intelligence Center (JAIC), обеспечивающий алгоритмическую обработку сигналов разведки, обнаружение аномалий в сетях и сопровождение оперативных сценариев на основе искусственного интеллекта [23].

На фоне развития автономных систем — дронов, морских и наземных роботов — встает проблема автоматизированного принятия решений в условиях конфликта. Исследования показывают, что ИИ, при неправильной калибровке и без достаточного надзора человека, способен к ошибочной классификации целей, что в военной логике может привести к катастрофическим последствиям. В этом контексте растёт значение прозрачности алгоритмов и введения международных ограничений на боевые автономные системы².

В-третьих, ИИ всё активнее интегрируется в сферу цифровой дипломатии. Современные МИДы разных государств используют ИИ для автоматизации рутинных коммуникаций, анализа дискурса в СМИ и верификации информации. Примером служит KrattAI — система, внедрённая в Министерство иностранных дел Эстонии. Она автоматизирует ответы на запросы, перевод документов и тональный анализ внешнеполитических заявлений. В Китае China International Development Cooperation Agency (CIDCA) использует ИИ для оценки политической стабильности в странах-получателях помощи и адаптации форматов гуманитарного взаимодействия [20, с. 21]. Также технологии ИИ применяются в цифровой дипломатии в качестве инструмента для прогнозирования цифрового поведения пользователей в социальных сетях [3, с. 16]. Алгоритмы искусственного интеллекта собирают информацию о предпочтениях пользователей, анализируя различную обратную связь (лайки, комментарии, репосты и прочие обозначения).

Кроме того, цифровая дипломатия выходит на новый уровень — алгоритмической проактивности. В США разрабатываются платформы предиктивной дипломатии, способные рекомендовать внешнеполитическим ведомствам направления давления, реагирования или взаимодействия в зависимости от поведенческих паттернов союзников и конкурентов. Это формирует новую парадигму принятия решений, где человеческое суждение дополняется когнитивными моделями.

В-четвёртых, растущее внимание уделяется кейсам институционального внедрения ИИ в международные процессы. Так, в рамках DARPA (США) реализуются проекты Performer и KAIROS, направленные на предиктивный анализ политических трансформаций, мятежей и кризисов. Системы обучаются на исторических и текущих данных, идентифицируя ранние индикаторы нестабильности³.

CIDCA в КНР, напротив, акцентирует внимание на инфраструктурно-гуманитарной аналитике: платформа обрабатывает данные по экономической активности, уровню бедности

² Волков А.В. Искусственный интеллект и международные отношения... // РСМД. 2024.

³ Capri A. Techno-nationalism and diplomacy // Hinrich Foundation. 2020.

и политическим индексам, адаптируя параметры внешнеэкономической поддержки. Особое внимание уделяется тому, как изменение политического режима влияет на эффективность помощи и необходимость её перераспределения [13, с. 34]. Наконец, в 2022 г. ООН запустила пилотный проект UN Global Pulse, где ИИ применяется для мониторинга уровня политической напряжённости и рисков гуманитарных кризисов в странах Африки и Латинской Америки. Система агрегирует данные из открытых источников, соцсетей, НПО и государственных платформ, обеспечивая мониторинг в режиме реального времени [21]. Прикладное использование ИИ в международной политике демонстрирует разнообразие подходов: от милитаристского и разведывательного — в США, до гуманитарно-аналитического — в КНР и институционально-нейтрального — в ООН. Это подтверждает не только растущую значимость ИИ как внешнеполитического инструмента, но и указывает на отсутствие универсальных регулятивных норм, что увеличивает риски асимметричного влияния, цифрового доминирования и конфликта интересов между акторами глобальной политики.

Еще одним интересным примером внедрения ИИ в политическую сферу является опыт назначения искусственного интеллекта министром в правительстве Албании⁴. Албания стала первой страной в мире, где появился первый «виртуальный министр по имени Диэлла (что означает «солнечный свет» на албанском). Предполагается, что виртуальный министр будет отвечать за государственные закупки.

Выводы

Проведенное исследование применения искусственного интеллекта в мировой политике позволяет выделить несколько ключевых тенденций. Сегодня мы наблюдаем принципиальное изменение роли ИИ: он переходит от вспомогательного инструмента к самостоятельному фактору геополитического влияния. Как показывает опыт Китая, ЕС и других стран, ИИ уже активно трансформирует механизмы внешнеполитического взаимодействия и принятия решений.

Особое внимание вызывает дивергенция национальных моделей внедрения ИИ. США делают ставку на технологическое превосходство и военное применение, активно ограничивая доступ конкурентов к ключевым технологиям. Китай, напротив, реализует целостную стратегию, интегрируя ИИ в систему государственного управления при жестком идеологическом контроле. Российская модель, как следует из Национальной стратегии развития ИИ до 2030 г., ориентирована на технологический суверенитет и преодоление санкционных барьеров. ЕС же стремится к нормативному лидерству через регуляторные механизмы вроде AI Act. Пример Албании с виртуальным министром Диэллоу, ответственным за госзакупки, демонстрирует поиски новых форматов взаимодействия государственного управления и алгоритмов.

Важнейшая проблема современности – отсутствие универсальных механизмов регулирования ИИ. Хотя принятие резолюции ООН A/RES/79/325 в августе 2025 г. создало основу для международного сотрудничества, реальные риски сохраняются. Технологический разрыв между странами увеличивается, что подтверждается отчетом Оксфордского центра по ИИ: частные инвестиции в США (\$109,1 млрд) в 12 раз превышают китайские (\$9,3 млрд), в 24 раза – британские (\$4,5 млрд) [28]. В России внедрение ИИ в системы управления нацпроектами уже показывает эффективные результаты: по данным вице-премьера Григоренко, модель, анализирующая взаимосвязи между показателями и мероприятиями, обрабатывает более 1000 вариантов в минуту, а работу, требовавшую четырех лет для 76 экспертов, выполняет за сутки. Однако эти успехи не устраняют фундаментальные противоречия.

Практика применения ИИ в военной сфере, когда, например, в конфликтах на Украине и в секторе Газа уже используются системы автоматической таргетизации, показывает,

⁴ Албания первой в мире назначила искусственный интеллект министром // Российская газета. 2025, 11 сентября. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2025/09/11/albania-pervoj-v-mire-naznachila-iskusstvennyj-intellekt-ministrom.html?ysclid=mkhgqj3mx0381171098> (дата обращения: 09.11.2025).

насколько быстро размываются границы между вспомогательными технологиями и средствами ведения военных действий. Эксперты отмечают парадокс: с одной стороны, ИИ способен повысить эффективность управления и решить глобальные проблемы, с другой – его милитаризация создает новые угрозы стратегической стабильности.

Российская стратегия развития ИИ до 2030 г. фиксирует амбициозные цели по созданию независимости в технологической сфере, но достижение этой цели осложняется дефицитом компонентной базы и оттоком кадров. Как показывает анализ работ Е.Н. Пашенцева, В.Б. Козюлина и А. Волкова, технологическое соперничество сегодня становится основой новой конфигурации международных отношений, где традиционные институты управления не успевают за темпами изменений.

Будущее глобального управления ИИ определится не в лабораториях, а в реальной политике. Страны должны найти баланс между национальными интересами и коллективной безопасностью, между инновациями и этическими ограничениями. Исследование указывает на существование двух различных подходов к использованию ИИ в мире: американский, нацеленный на технологическое доминирование и китайский, рассматривающий искусственный интеллект как средство для управления государством и расширения геополитического влияния. Это создает значительные угрозы, такие как возникновение гонки вооружений или фрагментации интернета. Ключевой задачей для международного сообщества становится формирование механизмов координации, способных предотвратить технологическое расслоение и военно-технологическую эскалацию. Без этого ИИ рискует стать не инструментом прогресса, а фактором дестабилизации мирового порядка.

Литература

1. Алексеев Р.А. Искусственный интеллект на службе государства: аргументы «за» и «против» // Журнал политических исследований. - 2020. - Т. 4. - № 2. - С. 58-69. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-58-69.
2. Буравлев А.И., Ветошкин В.М. Искусственный интеллект: сущность, принципы работы, области применения // Вооружение и экономика. - 2024. - № 2 (68). - С. 33–42.
3. Гришанина Т.А. Искусственный интеллект в международных отношениях: роль и направления исследования // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». - 2021. - № 4. - С. 10-18. - DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-10-18.
4. Давыдова Ю.А., Матюхин А.В., Ананьевская Е.А. Искусственный интеллект в политическом управлении: тенденции и перспективы // Политика и время. - 2023. - № 4. - С. 100-113. DOI: 10.12737/2587-6295-2023-7-4-100-113.
5. Джибилова Е.Г., Побываев Н.С. Анализ российского и зарубежного опыта применения ChatGPT и искусственного интеллекта в политике и социальной сфере // Социально-гуманитарные знания. - 2024. - № 1. - С. 64-69.
6. Дорожная карта по цифровому сотрудничеству: осуществление рекомендаций Группы высокого уровня по цифровому сотрудничеству: доклад Генерального секретаря ООН // Организация Объединенных Наций. - 2020. - A/74/821. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/docs/A/74/821> (дата обращения: 09.11.2025).
7. Изилева Л.О., Васильев Я.К., Мирокиянец К.С., Ясавиева А.И. Возможности и риски применения искусственного интеллекта в сфере политических отношений Российской Федерации // Экономика и управление: научно-практический журнал. - 2024. - № 1 (175). - С. 136–139. DOI: 10.34773/EU.2024.1.24.
8. Китиева М.И., Мержо М.Ш. Роль искусственного интеллекта в современной экономике // Управленческий учет. - 2021. - № 10-3. - С. 508-514.
9. Лапкина Л.В. Технологическая холодная война: восприятие китайских ИИ-технологий в США // Российский совет по международным делам (РСМД). - 2025. - 28 февраля. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/polit-expert/tekhnologicheskaya-kholodnaya-voyna-vospriyatie-kitayskikh-iitekhnolog/> (дата обращения: 09.11.2025).

10. Литвак Н.В., Помозова Н.Б. Искусственный интеллект в политике ЕС и КНР // Современная Европа. - 2024. - № 4. - С. 30–44.
11. Лексин В.Н. Искусственный интеллект как предмет и средство государственной политики // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. - 2024. - № 2. - С. 71-93. DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-2-71-93.
12. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (с изменениями 2024 г.). Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.
13. Пашенцев Е.Н., Козюлин В.Б. Искусственный интеллект и геополитика: доклад / Дипломатическая академия МИД России. - Москва, 2024. - 72 с.
14. Петрова В., Сапожков О. Искусственный интеллект и экономика: как технологии меняют рынок труда // Коммерсантъ. - 2025. - № 166 (11 сент.). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8025421> (дата обращения: 09.11.2025).
15. Плетнева С. Правительство России внедрило ИИ в систему управления нацпроектами и госпрограммами // Forbes.ru. - 2025. - 11 сент. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/545692-pravitel-stvo-rossii-vnedrilo-ii-v-sistemu-upravlenia-nacproektami-i-gosprogrammami> (дата обращения: 09.11.2025).
16. Победин П.К. Применение цифровых технологий в политических процессах в США, ЕС, Китае и России. Сравнительный анализ // Постсоветский материк. - 2024. - № 1 (41). - С. 48–61.
17. Резолюция A/RES/79/325 Генеральной Ассамблеи ООН «О модальностях глобального управления искусственным интеллектом» (26 августа 2024 г [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. - URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/79/325> (дата обращения: 09.11.2025).
18. Соколов А.В., Фролов А.А., Бабаилов П.А. Применение технологий искусственного интеллекта в политике: угрозы и возможности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. - 2025. - Т. 27, № 3. - С. 622-637. - DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-622-637.
19. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (ред. от 15.02.2024 № 124) // Собрание законодательства РФ, 14.10.2019, № 41, ст. 5700.
20. Цифра и искусственный интеллект на службе дипломатии: аналитический доклад / Е.С. Зиновьева, Н.А. Цветкова, Э.Л. Сидоренко [и др.]; под ред. Е.С. Зиновьевой; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. - Москва: МГИМО-Университет, 2024. - 68 с.
21. Яманова О.А. Применение искусственного интеллекта в политике: кейс-анализ в различных странах // Социально-гуманитарные знания. - 2024. - № 10. - С. 287-292.
22. UN Global Pulse. News and Stories. - New York: UN Global Pulse, 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unglobalpulse.org/news-and-stories/> (дата обращения: 24.11.2025).
23. JPMorgan Chase Center for Geopolitics. Decoding the New Global Operating System: analytical report. - New York: JPMorgan Chase & Co., - 2025. - 32 p.
24. Mahardhani A.J. The Role of Public Policy in Fostering Technological Innovation and Sustainability // Journal of Contemporary Administration and Management (ADMAN). - 2023. - No 1 (2). - P. 47-53.
25. Chief Digital and Artificial Intelligence Office. About the Organization: Joint Artificial Intelligence Center legacy. - Washington: U.S. Department of Defense, - 2025. - URL: <https://www.ai.mil/About/Organization/> (дата обращения: 24.11.2025).
26. Cordeschi R. AI turns fifty: revisiting its origins // Applied Artificial Intelligence: international journal. - 2007. - Vol. 21. - I. 4-5. - P. 259-279. - DOI: 10.1080/08839510701252304.
27. The Global Race for Technological Superiority / Ed. by F. Rugge. Milano, 2019.
28. Singla A., Sukharevsky A., Yee L., Chui M., Hall B. The state of AI: How organizations are rewiring to capture value / QuantumBlack, AI by McKinsey. - March 2025. [Электронный

ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/quantumblack/our-insights/the-state-of-ai> (дата обращения: 09.11.2025).

29. Wang X. Artificial intelligence as a factor in the modernization of Chinese higher education // Proceedings of BSTU. - 2024. - №. 1 (281). - P. 155-163.

References

1. Alekseev R.A. Iskusstvennyy intellekt na sluzhbe gosudarstva: argumenty «za» i «protiv» [Artificial intelligence in the service of the state: arguments for and against]. Zhurnal politicheskikh issledovaniy [Journal of Political Studies]. 2020, V. 4, I. 2, pp. 58–69. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-58-69. (In Russian).
2. Buravlev A.I., Vetoshkin V.M. Iskusstvennyy intellekt: sushchnost', principy raboty, oblasti primeneniya [Artificial intelligence: Essence, operating principles, and areas of application]. Vooruzhenie i ekonomika [Armament and Economy]. 2024, I. 2 (68), pp. 33–42. (In Russian).
3. Grishanina T.A. Iskusstvennyy intellekt v mezhdunarodnykh otnosheniyah: rol' i napravleniya issledovaniya [Artificial intelligence in international relations: Role and research directions]. Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya» [RSUH/RGGU Bulletin. Series "Political Science. History. International Relations"]. 2021, I. 4, pp. 10–18. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-10-18. (In Russian).
4. Davydova Yu.A., Matyuhin A.V., Anan'evskaya E.A. Iskusstvennyy intellekt v politicheskom upravlenii: tendentsii i perspektivy [Artificial intelligence in political governance: Trends and prospects]. Politika i vremya [Politics and Time]. 2023, I. 4, pp. 100–113. DOI: 10.12737/2587-6295-2023-7-4-100-113. (In Russian).
5. Dzhobilova E.G., Pobyvaev N.S. Analiz rossijskogo i zarubezhnogo opyta primeneniya ChatGPT i iskusstvennogo intellekta v politike i social'noj sfere [Analysis of Russian and international experience in using ChatGPT and artificial intelligence in politics and the social sphere]. Social'no-gumanitarnye znaniya [Social and Humanitarian Knowledge]. 2024, I. 1, pp. 64–69. (In Russian).
6. Organizatsiya Ob"edinennykh Nacij. Dorozhnaya karta po cifrovomu sotrudnichestvu: osushchestvlenie rekomendatsij Gruppy vysokogo urovnya po cifrovomu sotrudnichestvu: doklad General'nogo sekretarya OON [United Nations. Road map for digital cooperation: Implementation of the recommendations of the High-level Panel on Digital Cooperation: Report of the Secretary-General]. 2020, A/74/821. Available at: <https://www.un.org/ru/docs/A/74/821> (Accessed: 09.11.2025). (In Russian).
7. Izilyaeva L.O., Vasil'ev Ya.K., Mirokiyanc K.S., Yasavieva A.I. Vozmozhnosti i riski primeneniya iskusstvennogo intellekta v sfere politicheskikh otnoshenij Rossijskoj Federatsii [Opportunities and risks of using artificial intelligence in the field of political relations of the Russian Federation]. Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskij zhurnal [Economy and Management: Scientific and Practical Journal]. 2024, I. 1 (175), pp. 136–139. DOI: 10.34773/EU.2024.1.24. (In Russian).
8. Kitiyeva M.I., Merzho M.Sh. Rol' iskusstvennogo intellekta v sovremennoj ekonomike [The role of artificial intelligence in the modern economy]. Upravlencheskij uchet [Management Accounting]. 2021, I. 10-3, pp. 508–514. (In Russian).
9. Lapkina L.V. Tekhnologicheskaya holodnaya vojna: vospriyatие kitajskih II-tehnologij v SShA [A technological cold war: U.S. perceptions of Chinese AI technologies]. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD) [Russian International Affairs Council (RIAC)]. 2025, February 28. Available at: <https://russiancouncil.ru/blogs/polit-expert/tekhnologicheskaya-kholodnaya-vojna-vospriyatие-kitajskih-iitekhnolog/> (Accessed: 09.11.2025). (In Russian).
10. Leksin V.N. Iskusstvennyy intellekt kak predmet i sredstvo gosudarstvennoj politiki [Artificial intelligence as the subject and instrument of public policy]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki [Moscow University Bulletin. Series 12. Political Sciences]. 2024, I. 2, pp. 71–93. DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-2-71-93. (In Russian).

11. Litvak N.V., Pomozova N.B. Iskusstvennyy intellekt v politike ES i KNR [Artificial intelligence in the policies of the EU and the PRC]. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe]. 2024, I. 4, pp. 30–44. (In Russian).
12. Ministerstvo cifrovogo razvitiya, svyazi i massovyh kommunikacij Rossijskoj Federacii. Nacional'naya strategiya razvitiya iskusstvennogo intellekta na period do 2030 goda (s izmeneniyami 2024 g.) [Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. National strategy for the development of artificial intelligence for the period up to 2030 (2024 rev.)]. (In Russian).
13. Pashencev E.N., Kozyulin V.B. Iskusstvennyy intellekt i geopolitika: doklad [Artificial intelligence and geopolitics: report]. Moskva, Diplomaticeskaya akademiya MID Rossii Publ., 2024, 72 p. (In Russian).
14. Petrova V., Sapozhkov O. Iskusstvennyy intellekt i ekonomika: kak tekhnologii menyayut rynek truda [Artificial intelligence and the economy: How technologies are reshaping the labor market]. *Kommersant* [Kommersant]. 2025, I. 166 (11 September). Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/8025421> (Accessed: 09.11.2025). (In Russian).
15. Pletneva S. Pravitel'stvo Rossii vnedrilo II v sistemu upravleniya nacproektami i gosprogrammami [Russian government deploys AI to manage national projects and state programs]. *Forbes.ru* [Forbes.ru]. 2025, September 11. Available at: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/545692-pravitel-stvo-rossii-vnedrilo-ii-v-sistemu-upravlenia-nacproektami-i-gosprogrammami> (Accessed: 09.11.2025). (In Russian).
16. Pobedin P.K. Primenenie cifrovyyh tekhnologij v politicheskikh processah v SShA, ES, Kitae i Rossii. Sravnitel'nyj analiz [Application of digital technologies in political processes in the USA, EU, China and Russia: A comparative analysis]. *Postsovetskij materik* [Post-Soviet Space]. 2024, I. 1 (41), pp. 48–61. (In Russian).
17. Organizaciya Ob"edinennyh Nacij. Rezolyuciya A/RES/79/325 General'noj Assamblei OON «O modal'nostyah global'nogo upravleniya iskusstvennym intellektom» (26 avgusta 2024 g.) [United Nations General Assembly. Resolution A/RES/79/325: Modalities for global governance of artificial intelligence (26 August 2024)]. Available at: <https://docs.un.org/ru/A/RES/79/325> (Accessed: 09.11.2025). (In Russian).
18. Sokolov A.V., Frolov A.A., Babailov P.A. Primenenie tekhnologij iskusstvennogo intellekta v politike: ugrozy i vozmozhnosti [Application of artificial-intelligence technologies in politics: Threats and opportunities]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* [RUDN University Bulletin: Political Science]. 2025, V. 27, I. 3, pp. 622–637. DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-622-637. (In Russian).
19. Ukaz Prezidenta RF ot 10.10.2019 I. 490 O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossiiskoi Federatsii (red. ot 15.02.2024 № 124). *Sobranie zakonodatelstva RF*, 14.10.2019, I. 41, st. 5700. (In Russian).
20. Prezident Rossijskoj Federacii. (2019, October 10). Ukaz № 490 «O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii» (s izmeneniyami i dopolneniyami ot 15 fevralya 2024 g.) [President of the Russian Federation. Decree No. 490 "On the development of artificial intelligence in the Russian Federation" (rev. 15 February 2024)]. *Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii* [Official Legal Information Portal]. Available at: <https://base.garant.ru/72838946/> (Accessed: 09.11.2025). (In Russian).
21. Zinov'eva E.S., Tsvetkova N.A., Sidorenko E.L., et al. Cifra i iskusstvennyj intellekt na sluzhbe diplomatii: analiticheskij doklad [Digital technology and artificial intelligence in the service of diplomacy: analytical report]. Moskva, MGIMO-Universitet Publ., 2024, 68 p. (In Russian).
22. Yamanova O.A. Primenenie iskusstvennogo intellekta v politike: kejs-analiz v razlichnyh stranah [Application of artificial intelligence in politics: A cross-country case analysis]. *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge]. 2024, I. 10, pp. 287–292. (In Russian).
23. Cordeschi R. AI turns fifty: revisiting its origins. *Applied Artificial Intelligence*. 2007, V. 21, I. 4-5, pp. 259-279. DOI: 10.1080/08839510701252304.

24. JPMorgan Chase Center for Geopolitics. Decoding the New Global Operating System: analytical report. New York, JPMorgan Chase & Co. Publ., 2025, 32 p.
25. Mahardhani A. J. The Role of Public Policy in Fostering Technological Innovation and Sustainability. *Journal of Contemporary Administration and Management (ADMAN)*. 2023, V. 1, I. 2, pp. 47-53.
26. Singla A., Sukharevsky A., Yee L., Chui M., Hall B. The state of AI: How organizations are rewiring to capture value. QuantumBlack, AI by McKinsey. 2025, March. Available at: <https://www.mckinsey.com/capabilities/quantumblack/our-insights/the-state-of-ai> (Accessed: 09.11.2025).
27. Ruge F. (Ed.). *The Global Race for Technological Superiority*. Milano, 2019.
28. UN Global Pulse. News and Stories. New York, UN Global Pulse Publ., 2025. Available at: <https://www.unglobalpulse.org/news-and-stories/> (Accessed: 24.11.2025).
29. U.S. Department of Defense, Chief Digital and Artificial Intelligence Office. About the Organization: Joint Artificial Intelligence Center legacy. Washington, U.S. Department of Defense Publ., 2025. Available at: <https://www.ai.mil/About/Organization/> (Accessed: 24.11.2025).